

ГАУЯ

(или другая жизнь)

Я давно уже понял, что жизнь состоит из кусков не равных по величине и по длительности. Иногда за один год происходит множество важных событий, а иногда несколько лет подряд просто ничего не происходит. Гауя – это мой, и наверное, не только мой, очень большой кусок жизни. Но, давайте все по порядку. Я, конечно, знал, что в Москве существует Дом Ученых, но сроду, там не был и не интересовался им. Меня туда привела наша знакомая Эмма и познакомила с турсекцией, так как я интересовался вопросом, где бы нам отдохнуть летом. До этого мы три года подряд ездили на озеро в Литву в 30 км от Вильнюса. Там на удаленном хуторе у меня была своя лодка, газовая двухконфорочная газовая плита с баллоном и велосипед, словом, все, что нужно для автономной жизни нашей семьи. Картошка была у хозяев, у которых мы снимали комнату, а рыбу и грибы я добывал в огромном озере и в необъятном лесу. Мясо же в виде консервов «тушенка» приходилось тащить на себе из Москвы. Там у нас с женой и детьми появились друзья, Шолом Моисеевич Платкин и Роберт Петрович Заштофт с женой Еленой Александровной. Они приезжали на все лето из Ленинграда, а Шолом Моисеевич жил в Вильнюсе, а все лето обретался в сарае. Там он варил себе кашу на три дня и жарил в несусветном количестве рыбу. Естественно, рыбу он запивал местной водкой, а Роберт Петрович жировал на шикарной кухне, которой заправляла его жена – великая повариха. Она, впрочем, говорила: «Роберт выпивает в день поллитра водки и два литра молока». Они жили на острове в центре озера, так что общаться с ними можно было только с помощью водного транспорта. Оба наших соседа и Роберт Петрович и Шолом Моисеевич были великие рыболовы, которые и обучили меня всем премудростям рыбной ловле на удочку, спиннинг и на запрещенный перемет для ловли угря. На моем перемете, заводского изготовления, было 64 крючка. Ловили мы угря на «выползка», т.е. на большущего дождевого червяка «*lumbrikus terrestrikus*», которого надо было ловить ночью с фонарем на картофельном поле.

Хранился выползок до 2-х недель в ящике из-под помидоров с озерным мхом. А на удочку и спиннинг ловились лещ до 3-х кг весом, красноперки по 300-500 г и прочая мелкая, но очень вкусная жареная рыбка. Особенно под холодную водку. Кроме водки мы употребляли яблочный кальвадос литовского производства. Марина на велосипеде ездил за 5 км в местный магазин, где покупала макароны, хлеб, растительное разливное масло и свиное копченое сало. Тоже замечательного вкуса. Ну, а грибы и рыба были в неограниченном количестве. Там мы познакомились и с Верой Николаевной Шалабаевой, сотруднице Музея Изобразительных Искусств им. Пушкина. Она была великий специалист по русским художникам серебряного века и написала книгу про одного из них, забыл его имя. Человек она была высокой культуры и необычайной доброты. Отличалась и прекрасным чувством юмора. Хохотала и моим дурацким шуткам вроде «Птициан» вместо Тициан, или о качестве буфета в Лувре, вместо впечатления о Веласкесе или Корро. Она прожила целый год на чердаке в нашем

Посольстве в Париже на улице Гренель 76, командуя выставкой «Москва-Париж» в ХХХХ году. Вот они с Эммой и привели меня в Дом Ученых. Мы поехали на нашу турбазу «Гауя» в 1976 году, на второй год после ее открытия. База была расположена между Эстонией и Латвией в заповеднике, так что там не было никаких туристов, кроме нас. Располагалась она прямо на берегу небольшой речки Гауя. И там наша семья и много друзей и из Москвы, и приобретенных в Гауе провели 17 незабываемых отпусков. Впрочем, кроме одного лета, когда нас всех сманила наша подруга Наташа Ухова на турбазу «Ахтырка» на Украине недалеко от города Сумы. Вначале на турбазу ездили действительно только сотрудники АН СССР или близких по роду деятельности Институтов, однако потом появились писатели, поэты и артисты. Они-то и составили вскоре ядро патриотов и энтузиастов Гауи. Наверное, кое-кого я и забыл, ведь прошло 25 лет, но назову Булата Шалвовича Окуджаву, Зиновия Ефимовича Герда, и Шурика Ширвиндта, Витю Берковского, Таню и Сережу Никитиных. Турбаза Гауя, как и другие турбазы Дома Ученых, резко выделялась из системы Советских санаториев и домов отдыха. На зарплате у нас было всего три сотрудника. Светлана Иосифовна Снисаренко - Директриса Турбазы и всеобщая любимица, главный повар обычно из ресторана Дома Ученых, и помощница повара, местная жительница с соседнего хутора. Все! Остальная хозяйская деятельность выполнялась отдыхающими, как в принудительном порядке (трое дежурных по столовой ежедневно), так и по желанию. От Дома Ученых базу курировал высокий чин Правления ДУ и Председатель Турсекции Георгий Георгиевич Конради, Директор большого оборонного НИИ. Он же был энтузиастом и капитаном волейбольной команды. Ежедневной же деятельностью занимался Совет Министров, бессменным Председателем которого был зав. Кафедрой МАИ профессор Виктор Абрамович Вейцель, Остальные места в Совете Министров распределялись таким образом: министр Транспорта (у нас бывало до 35 машин отдыхающих и все водители по очереди несли вахту по обслуживанию кухни и других потребностей лагеря), министр Финансов, в руках которого находилась вся наличность для оплаты продуктов, закупаемых в окрестных магазинах, министр общественного Пищеварения, выбиравший меню и продукты по согласованию с шеф-поваром и, наконец, министр Культуры, т. е. автор этих строк. Потом появился еще и министр Туризма и спорта, обеспечивающий однодневные и трехдневные с ночевкой походы, как по реке, так и по суше. Им являлась бессменно Нина Моисеевна Куликовская, доцент МИРИА. Нина Моисеевна в юности играла за сборную по волейболу Советского Союза. Что, касаясь трехразового питания, то оно не могло сравниться ни с одним рестораном в столице, это был кулинарный апофеоз с учетом индивидуальных особенностей некоторых «обормотов», например, вроде меня. Я не переношу кур, и специально для меня по указанию министра общественного Пищеварения варился в отдельной маленькой кастрюле суп без вышеозначенной мерзкой птицы. На кухне царила невообразимая чистота: два огромных холодильника и три газовых плиты. Белые халаты и шапочки, передники, словом чудо! Посторонним вход на кухню был категорически запрещен (кроме меня, естественно). За первые два года мы сами построили кухню с примыкающей к ней крытой столовой на 50-75 мест, погреб с натуральным из H₂O льдом, пробурили и

установили колодец с электрическим насосом и фильтром для питьевой воды и душ с дровяным подогревом. Мойся, не хочу, сам тащи дрова, сам топи и зови потом всех купаться. На третий год при большом стечении народа и с произнесением торжественных речей была открыта сушилка для промокшей одежды и обуви. (кроссовок). Играла и музыка. После обнаружения неиссякаемого и немеренного количества и качества грибов была сконструирована и построена сушка с производительностью до 1000 белых грибов высшей пробы и каменной твердости в сутки. К ней, впрочем, надо было выделять трехсменную бригаду дежурных для регулировки огня газовой плиты, на которой и производилась сушка. Помимо грибов, заводским способом консервировалась черника, малина и брусника. Грибы же еще солились и мариновались после детального обсуждения способов приготовления рассола из чеснока и различных трав. Мы увозили домой $4 \times 4 = 16$ трехлитровых банок с маринадами и соленьями, плюс наволочку с сушеными и только белыми грибами. Однажды, дочь нашего друга Иосифа Фиша Светлана принесла 100 белых грибов за один раз. Объем же собранных ягод измерялся количеством голубых ведерок с белыми горошками, которые составили размерную единицу 1 Курт. Скажем, «принес 12 Куртов малины» или «собрал 6 Куртов брусники». В обязанности Министра Культуры входило организовать каждый вечер культурное мероприятие: скажем, вечер песни Булата Окуджавы или чтение стихов Самойлова Зиновием Гердом, или вечер Сережи и Тани Никитиных, или лекцию академика Келдыша «Сверхпроводимость и сверхтекучесть». Так как турбаза была все-таки базой Дома Ученых, а не Союза Писателей или Композиторов, то количество лекций по современным разделам науки было преобладающим. Наверное, лучше всех такие лекции читал Академик Лев Окунь, популярно рассказывая о физике элементарных частиц. Не забывал я и о Вере Николаевне Шалабаевой, читавший с демонстрацией слайдов лекции о великих живописцах прошлых веков. Иногда, вместо лекции или вечера поэзии, устраивалось прослушивание классической музыки. Так что культурная жизнь на базе была ключом. Большой процент «человеко-отдыхающих» составляли дети и внуки, для которых устраивались спортивные игры, заплывы по реке и конкурсы рыболовов. Первое место на нем, я запомнил, занял водитель автотранспорта этого дня, представив внушительному жюри огромную безголовую рыбку горбуши. Он полностью удовлетворил всем требованиям конкурса: любые снасти лова, кроме динамита (бумажка в 100 рублей на удочке), дата лова (квитанция из магазина не далее 2-х дней) и удаленность (ближе 50 км). А вот второе место заняли двое ребят, поймав рыбу длиной 15 см и представив, правда, только ее скелетик. Других участников конкурса не было. Устраивалась и Олимпиада, включавшая шахматы (были у нас и кандидаты в мастера спорта), бадминтон (Чемпион всех возрастов - мой внук Лева Василец), таскание картошки в ложке, зажатой в зубах, плавание через Гаюю и ношение собственной жены на дальность 25 метров любым способом, вплоть до перекидывания ее через плечо. Не могу не отметить потрясающее отношение к своей профессии Булата Шалвовича Окуджавы и Зиновия Ефимовича Герда. Когда на турбазе «Ахтырка» нас однажды попросили организовать для воинской части в их клубе вечер, оба они немедленно согласились. Воинская часть нам немало по хозяйству помогала. А вот Шура Ширвиндт отказался, не желая

выступать перед такой не сильно продвинутой, по его мнению, публикой. Помню, что меня, как Министра Культуры, это сильно поразило. Я и тогда и сейчас считаю Б.Ш.Окуджаву и З.Е.Герда на голову выше актера театра сатиры А.Ширвиндта. Отлично помню дискуссию по этому поводу у костра за поеданием шашлыка с обильным количеством водки.

Апофеозом культурной деятельности всех отдыхающих был заключительный вечер-спектакль. Тут первые роли, несомненно, играли Андрей Петров и Валя Руденко. Они писали сценарий, тексты для исполнителей и сами участвовали в заключительном вечере. Я запомнил один из таких прощальных вечеров, когда весь зал был оформлен в виде морской таверны, Иосиф Фиш изображал капитана пиратского брига и требовал, чтобы ему подавали «капитанскую шлюпку, капитанскую трубку, капитанскую бочку и капитанскую дочку». Все было натуральное: шлюпку притащили вчетвером из реки, трубку Иосиф всегда и так курил, бочка была настоящая из под пива, а дочка - Светлана тоже была натуральная. Одним из главных и любимых исполнителей был титан бардов всех времен и народов Витя Берковский, доцент Института Стали и Сплавов. Он тоже никогда не отказывался выступить и вовлекал всех желающих в исполнение собственных популярных шлягеров или песен Юлия Кима. Они, с его и моим другом хирургом Стасом Лосевым, составляли замечательный дуэт. У Стаса был отличный слух и голос. Под руководством Веры Николаевны ставились «живые картины», изображавшие шедевры мировой живописи. Я запомнил лишь те, в которых я сам принимал участие. «Три богатыря» в нашей интерпретации сидели на велосипедах и держали в руках толкушку для картофельного пюре, удочку и багор. Однажды я изображал «Возвращение блудного сына» (вероятно на Гаю), припадая к ногам Светланы Иосифовны, причем мои голые пятки, обращенные к публике, были сильно выкрашены черной краской.

Гаюя представляла собой и кусочек нетронутой природа нашей средней скромной полосы. Представьте себе, что можно почувствовать, проснувшись в 6 или 7 часов утра и высунув голову из палатки, когда по большой поляне, вокруг которой стояли наши палатки, вышагивет, высоко поднимая ноги, аист, или тихо стоит видимая только наполовину из тумана, белая лошадь. А птичье пение? Река Гаюя была неширокая и неглубокая, но в отдельных местах вполне можно было плавать. Часто реку переплывали ужи с желтыми пятнышками около глаз. Иногда в лесу можно было увидеть изящную косулю, а кругом лагеря видны были следы кабанов. Мы оформили на 50 лет договор с лесничеством, поставили сами межевые камни и надеялись на еще 50 лет отдыха. Кто бы мог предсказать все, что случилось с нашей страной? После 91 года в Риге нашлась наследница хутора, поляну распахали под картошку, что можно было, мы вывезли, а палатки, байдарки, лодки и прочая наша собственность пропали ни за грош. Как там поживают аисты и косули? Недалеко от нашего лагеря были расположены небольшие города Эстонии и Латвии: Седа, Валка и Валга, Вальмиера, Стренчи, Цесис, Вильянди, куда можно было сходить пешком или съездить на машине, что я часто и делал. Можно было сходить в собор и послушать орган, посетить

местные магазины и приодеться. Мне там купили японский свитер и итальянский летний светлый костюм. Но главное, конечно, составляло общение с интересными и замечательными людьми. Для меня особенно ценными остались разговоры с Булатом Окуджавой и с Зиновием Ефимовичем Гердом. Мы тогда жили в Москве прямо напротив Театра Кукол, где и работал Зиновий Ефимович. Иногда, в перерыве между репетициями, он заходил к нам домой поесть. А на Гауе они иногда, вместе с нашей дочерью Аней, читали стихи. Аня отлично читала стихи Бэллы Ахмадулиной. Один или два месяца летнего отпуска запоминались на весь год. В Москве мы редко встречались, но перезванивались и старались не терять друг друга из вида. Появились там и друзья на всю жизнь. Мы с женой Лидой старались приглашать своих близких друзей поехать с нами на Гаую. Там прижились и моя сестра Вика с мужем и внуком Яшей. Первый раз его привезли на турбазу, когда ему было всего 2.5 года. Он сидел в столовой на своем низком стуле совершенно независимо и сам вполне самостоятельно ел. Сейчас он инженер в Институте Космических Исследований РАН. Вместе со Стасом Лосевым мы позвали поехать с нами Эллочку Абрамову, лучшего врача, которого я знал, хирурга из Института рентгенологии и радиологии. Она до сих пор лечит нас, наших детей, внуков и, надеюсь, будет лечить и правнучку Алису.

Первые несколько лет Эллочка возила своего младшего сына Костю, а иногда мы жили там и без нее с тремя детьми, Аней, Мариной и Костей. Сейчас Костя сам отличный врач-нефролог в огромном госпитале в Бостоне. У него уже там в Америке растут два сына. Эллочка-2 Брагина тоже побывала на Гауе, она замечательный врач-гематолог и тоже наш близкий друг. Гауя свела и развела на всю жизнь некоторых наших друзей и просто знакомых. Запомнилось два таких примера, внучка Римского-Корсакова (не композитора, а его внука, профессора и доктора наук из Акустического Института) решила выходить немедленно замуж за главного нашего повара. Он отлично играл в волейбол и был вполне компанейским парнем. Кажется, внук великого композитора был этим выбором недоволен. Их дальнейшая судьба мне неизвестна. Второй, полностью противоположный случай, произошел с нашим другом Витей Берковским, первым бардом страны. Он бросил свою жену Диану и женился на племяннице ГГ (это Георгий Георгиевич Конради), которая была моложе его на N лет. Этот выбор нас всех поразил. Диана была сосредоточением всех добродетелей, внимательная и добрая, отлично пела, замечательно готовила и пр. и пр. А Вити уже нет в живых. Я был на его похоронах в Институте Стали и Сплавов, где собралась проститься с ним вся поющая Москва. Таню Никитину привезли даже на коляске, она упала и сломала ногу. С ними у нас дружба не сложилась. А вскоре Таня стала Заместителем Министра Культуры РФ, а потом, по слухам, уехала в Италию и вышла там замуж за настоящего графа. Впрочем, сейчас они выступают и поют снова вместе с Сережей. Из друзей, с которыми мы познакомились и подружились на всю жизнь на Гауе, хочу упомянуть Наташу и Витю Рыжик с их двумя замечательными детьми. Младший – Леня стал известным физиком и математиком в США, а старший Миша, будучи в Москве биологом-генетиком, переквалифицировался в Израиле в специалиста по ивриту и работает в Иерусалиме, занимаясь языком «ладино». Костя из Бостона часто перезванивается, а иногда и встречается с Леней из Чикаго!

За прошедшие почти 40 лет со временем многих из моих близких друзей уже нет в живых. Но они оставили глубокий след в моей жизни: Стас Лосев, Толя Дружинин, Иосиф Фиш, Нина Моисеевна, Георгий Георгиевич Конради и его жена Милица Владимировна, Андрей Петров оставили нас. Их нет, и уже никогда не будет. Больно и тоскливо.